НАМ ОСТАЕТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ... ПОТОМУ ЧТО ЭТО – ИНТЕРЕСНО!›

(беседа писателя С. А. Яковлева и д. ф. н. И. И. Мочалова с академиком Б. С. Соколовым)

Историку науки нелегко писать о Борисе Сергеевиче Соколове. И не только потому, что он одинаково хорошо известен как палеонтолог и как геолог. Широта его научных интересов нашла выражение в недавно опубликованном его капитальном труде «Среди наук о Земле и жизни» (Новосибирск, 2004). Когда Борис Сергеевич спросил, нравится ли мне название книги, я ответил, что лучше, кажется, не придумаешь, но, поразмыслив, пришел к выводу, что оно все же неточно отражает суть достигнутого автором: книгу следовало бы назвать «Соединяя науки о Земле и жизни». И еще мы можем сказать, что недавно вышла в свет новая книга Б. С. Соколова «Очерки о науке и ученых. Научная публицистика» (Новосибирск, 2006).

Действительно, Борис Сергеевич причастен к осуществлению масштабной программы глубокого бурения на всей территории страны. Ее результатом явились открытие новых нефтеносных районов и одновременно пересмотр всей геологической истории Русской платформы. Эту историю планировалось выразить в полной стратиграфической последовательности литолого-фациальных и палеогеографических карт, охватывающих более 1 млрд лет геологического времени.

В ходе этих изысканий Борису Сергеевичу удалось совершить выдающееся открытие – выявить под классическим кембрием новую самостоятельную геологическую систему – вендский комплекс (венд). Как образно выражается Борис Сергеевич, венд – это «окно», позволяющее бросить взгляд в дофанерозойскую эпоху истории Земли и – увидеть переход к кембрию. Думаю, что венд – это важный этап эволюции биосферы (хотя Борис Сергеевич относится к этой мысли с осторожностью). Отдавая должное стратиграфической интуиции Р. Мурчисона, Борис Сергеевич предпринял глубокий пересмотр методологии построения геохронологической шкалы с позиций современного естествознания.

Огромная научная и научно-организационная деятельность никогда не мешала Борису Сергеевичу живо интересоваться историей своей малой родины – Вышнего Волочка и творчеством семьи Рерихов, участвовать в работе международного «Союза обеспокоенных ученых» и отдавать время истории науки. Встречаться с Борисом Сергеевичем, беседовать с ним, делиться своими планами – большое счастье. И надо сказать, что он, несмотря на возраст и занятость, щедро позволяет нам – историкам науки – пользоваться его временем, его гостеприимством и обширными познаниями.

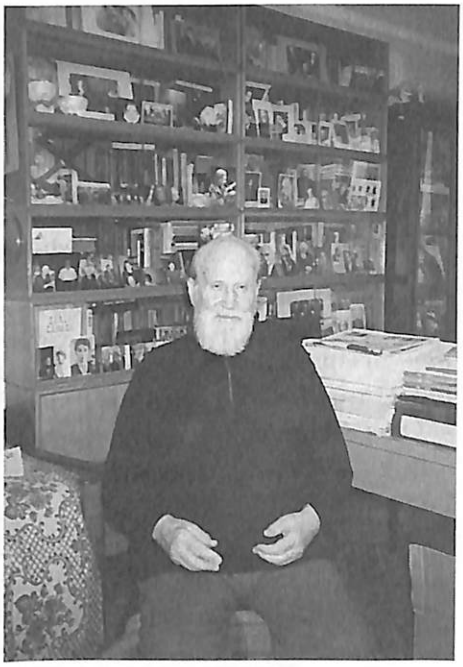
Публикуемое ниже интервью с Б. С. Соколовым дополнено текстом его выступления на специальном заседании «Рерих и Чюрлёнис», организованном в октябре 2005 г. в Санкт-Петербурге в рамках V Рериховского конгресса. На этом конгрессе Б. С. Соколову была присуждена премия имени Николая Рериха с вручением золотой медали и диплома.

Э.Н. Мирзоян

© С.А. Яковлев, И.И. Мочалов. ВИЕТ. 2006. № 4. С. 160–169.

– С. Яковлев: ***Борис Сергеевич, вы по натуре энциклопедист, в своей научной деятельности затрагивали чуть ли не все сферы естественных и общественных знаний. Поэтому заранее не хочется ограничивать тему нашего разговора. Пусть это будут размышления о природе и человеке, о жизни как таковой. О том, что более всего интересует и беспокоит живущих...***

Я уже довольно стар, из дома не выхожу, но мои друзья, – как Инар Иванович Мочалов, его коллеги по институту, мои ученики и товарищи по Академии, – составляют достаточно широкий круг общения в этой комнате. Уж можно бы уйти и в отставку по возрасту, но в Академии наук так не получается. За академиками сохраняются пожизненные возможности научной деятельности и права занимать некоторые посты, а у меня таковых еще порядочно. Я остаюсь советником Президиума РАН, членом бюро отделения наук о Земле, научным консультантом Палеонтологического института, где еще в 1970-е гг. я организовал уникальную лабораторию по палеонтологии докембрия (возрастной интервал примерно от 540 миллионов до 4 миллиардов лет), которая сейчас работает под руководством моего прямого последователя, члена-корреспондента РАН М. А. Федонкина. Кроме того, я президент Палеонтологического общества (уже более трех десятков лет), и никто не желает меня освобождать от этих обязанностей, а пора бы. Под моей редакцией уже второй десяток лет выходит журнал «Стратиграфия. Геологическая корреляция» на двух языках, в русской и английской версиях. Конечно, каждый день бывают деловые звонки; связи у меня широкие, потому что, помимо всего прочего, я был официальным руководителем академической геологии на протяжении 15 лет как академик-секретарь отделения. За всю историю Академии никто дольше меня этот пост не занимал. Помимо Москвы, поддерживаю связи прежде всего с Петербургом и, конечно, Новосибирском – я был одним из участников организации Сибирского отделения Академии наук (в 1957–1958 гг.) и проработал там 17 лет. Создал там большой отдел, до сих пор остающийся самым крупным к востоку от Москвы центром исследований в области палеонтологии и стратиграфии – тех фундаментальных направлений, на которые опирается Геологическая карта страны, а на нее «опираются» все наши минеральные ресурсы: нефть, газ, уголь, руды металлов и проч., и проч. Так что у меня собираются, как однажды выразился Инар Иванович, мини-семинары. Сидим и беседуем о разном. Среди моих учеников и последователей, которых сотни, десятка четыре докторов, есть и



Б. С. Соколов в рабочем кабинете. 26 марта 2006 г. Фото С. А. Яковлева

академики, один, к великому сожалению, покойный. Жизнь-то затянулась! Самым бессовестным образом. Надо, в общем-то, знать меру и вовремя уходить в мир иной. Но поскольку я, как заверяет меня Инар Иванович, еще не спятил, то кое-что делаю...

– И. Мочалов: ***Охотно подтверждаю. Несмотря на весьма преклонный возраст, Борис Сергеевич, вы очень далеки от подобного «состояния» и вряд ли когда-нибудь к нему придете. Залог тому – систематическая ежедневная научная работа.***

– С. Я.: ***Рады, что жизнь такая долгая?***

Знаете, мне всегда было интересно жить! По-моему, с первого взгляда на мир Божий. И до сих пор. Хотя иногда я понимаю, что вроде пора бы и расставаться... Тревоги по этому поводу не чувствую, потому что считаю все это закономерным и естественным концом всякой жизни и даже благом. Что такое человек? Представитель огромного и очень страшного вида. Вырвался из природной среды благодаря своему разуму и натворил массу вещей – восхитительных и одновременно преступных перед природой и самим собой. Это очень сложно и наводит на размышления. Что это было – закономерный и естественный взрыв? Может быть, лучше было остаться на стадии приматов?

– С. Я.: ***А разрешения этого вопроса вы в ближайшем будущем не предвидите? Чем все кончится?***

Ну, кончится понятно чем: исчезновением человеческой популяции. Это абсолютно неизбежная вещь. Думаю, можно назвать несколько сценариев такой неизбежности. Начать хотя бы с вопроса: что такое мы с вами? Обыкновенный биологический вид, верно? Такой же, как мотылек, или баобаб, или слон и Моська. За всю историю Земли не было ни одного вида, который бы существовал вечно. Такого не случилось. Поэтому априори можно сказать, что при всех ухищрениях, технологических и прочих, человеку не удастся – уже в силу того, что он просто биологический вид – прожить вечно. Не очень модно выражаться в наше время виталистическим языком, но в конце концов у всего живого на Земле есть какой-то предел, когда истощаются ресурсы организма, силы самообороны и защиты. Так что генетически человек обречен. Когда наступит конец, не знаю. В истории Земли некоторые виды существовали «бесконечно» долго. Скажем, тараканы. Или акулы – удивительные создания, невероятно приспособленные к среде обитания, благоденствовавшие сотни миллионов лет назад и благоденствующие по сию пору. Умудрились съесть даже премьер-министра Австралии...

– С. Я.: ***Это достоверно известно, что они существовали сотни миллионов лет?***

Достоверно. Моя основная специальность – палеонтология. Хотя, если бы меня спросили, кто я по специальности, я бы сейчас затруднился ответить. Один из моих друзей, покойный Алексей Петрович Быстров, профессор Ленинградского университета, написавший очень интересную книгу «Прошлое, настоящее и будущее человека» (1957), как-то мне сказал: «Трудно вам будет жить, Борис Сергеевич, вы двухвалентный!» Меня всегда интересовали науки о Земле и науки о жизни. Это гигантские сферы! Я с детства интересовался природой, географическими объектами, прошлым Земли. В детстве, без всякого понимания что делаю, собирал на полях окаменелости из ледниковых отложений, и судьба сложилась так, что они стали объектом моей первой научной диссертации.

«Мини-семинар» на квартире Б. С. Соколова. Слева направо: Э. Н. Мирзоян, И. И. Мочалов, С. А. Яковлев, Б. В. Поярков. Фото Б. С. Соколова

– С. Я.: ***Где это было?***

Если вы представляете Валдайскую возвышенность, на ее восточном склоне есть водораздельное пространство между двумя бассейнами, откуда одни реки текут в Финский залив и Атлантический океан, а другие – в Волжский бассейн и Каспийское море. Вот на этом водораздельном пространстве я и родился. Это было во времена Николая Второго, еще до начала первой империалистической войны. Отец мой, получивший медицинское образование в Твери, в войну сразу был мобилизован и отправлен в Петербург для подготовки к работе в госпитале в Гельсингфорсе, куда свозили раненых. Когда грянула революция 1917 г., началась неразбериха, он вернулся еще до октябрьского переворота – не могу называть это революцией – домой, и началась новая жизнь. Все было забито беженцами, разразились страшенные эпидемии испанки, сыпного тифа... Неподалеку от Вышнего Волочка, в селе Березки, была богатая усадьба и при ней медицинский пункт. Там возникла первая коммуна. Папа говорил впоследствии, что он был «затребован коммунарами» на замену престарелого заведующего пунктом. Папа был человек жизнерадостный, здоровый, со всем справлялся. Обстоятельства сложились так, что вся наша семья сочла за благо перебраться из Вышнего Волочка к отцу. В деревне было полегче с питанием. Для развития моего ума и основных черт характера этот переезд стал, по-моему, решающим событием. Моим воспитателем сразу оказалась природа. И до сих пор остается. Единственное, с чем будет жаль расстаться, уходя в мир иной, проще говоря, в прах, это – с природой. И, конечно, с музыкой. Все остальное значения не имеет. Всех своих близких я вырастил, воспитал, все они с образованием, со сложившимися интересами, все обес-

печены крышей над головой; мои должности, которых было немало, я передал хорошим ученикам... Я готов. В любой момент могу отправиться «туда».

– С. Я.: ***Вы не испытываете иллюзий по поводу вечной жизни?***

Знаете, по-моему, у каждого человека есть какое-то смутное ощущение, что не может быть так, чтобы с его смертью исчезало все. Каждому хочется надеяться. Как естествоиспытатель и материалист я считаю, что ничего кроме праха не остается. Это первый ответ. А насчет иллюзий... Может быть, они связаны с мыслью. Ведь мысль в голове была, она же не испарилась? Как с этим-то быть? Непонятно.

– С. Я.: ***Нельзя ли найти какое-то объяснение этому у Вернадского, изучению наследия которого посвящает свои труды Инар Иванович? Протягивается ли у Вас туда какая-то ниточка?***

Вернадский – это наша общая тема с давних пор! Мы оба выросли на Вернадском. Инар Иванович раньше, я с некоторым опозданием и другими путями, но пришли к тому же. Я не знаю отношения Вернадского к вопросам религии, но думаю, что, верный традициям православия, он, бесспорно, относился с глубоким уважением к верованиям людей. И я считаю главным для всякого человека в этой сфере веротерпимость. Иначе и быть не может. А что от нас остается... Думаю, останутся ваши романы и журналы, великолепные книги Инара Ивановича, порядочно написанного мной... Мы оба «наследили» довольно много в науке. Это останется.

– И. М.: ***Благодарю вас, Борис Сергеевич, за столь лестный обо мне отзыв. Я «наследил» скромно, со сделанным вами это не идет ни в какое сравнение. Сейчас как-то стесняются вспоминать о званиях и наградах былых советских времен. Но ведь за ними стоял труд – самоотверженный, нелегкий, часто подвижнический. Это в полной мере можно и нужно сказать о вас – кавалере многих орденов и иных наград, Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской премии... Что касается Вернадского и его отношения к религии и верующим, то это действительно так.***

– С. Я.: ***Существует расхожее мнение, что теория ноосферы содержит элементы религиозного мироощущения, чуть ли не мистики. И в самом деле, ведь речь идет о нетленном вечном разуме... Так ли это?***

– И. М.: ***Это действительно так. Но не следует, по-моему, упускать из виду, что «ноосфера» (буквально – «сфера планетарного разума») – это не строго определенное понятие, а скорее метафора, проходящая преимущественно по ведомствам философии и искусства и только отчасти – науки. Вопрос очень сложен, он задевает настолько тонкие струны человеческой души, что и самые мощные умы человечества, к числу которых, бесспорно, принадлежал и Владимир Иванович, еще долго, а может быть и всегда, будут пасовать перед бездонной глубиной встающих проблем и загадок. Вернадский признавался, что, обращаясь к ним, нередко переставал понимать самого себя. Как он отмечал, мир до краев переполняют некие феномены – мистические, таинственные, и отталкивающие от себя, и к себе притягивающие. Вот, к примеру, наша сегодняшняя встреча. Что свело нас вместе? Вернадский? Да, безусловно. Но почему и как? Какие «силы» толкали нас к этой встрече? Что здесь необходимость? Что случайность? Каковы пределы нашей свободы и в чем она?***

Существует ли она вообще? Вопросов возникает множество, но ответ один: нет ответа!

У меня к ноосфере отношение сложное; на протяжении последних нескольких десятков лет оно менялось вплоть до почти полного ее отрицания. Ноосферу, в ее расхожих формулировках, я как-то назвал такой же иллюзией, как идею коммунизма. Советский коммунизм – совсем не то, что должно было быть. Но я в такой же степени убежден, что будущее социальное устройство, – если человечество все-таки желает себя сохранить, – не капитализм, а социализм. Не советский, а, как когда-то выражались чехи, «с человеческим лицом». Тот социализм, где центральной фигурой в обществе будет человек. Со всеми его потребностями и с реализацией всех его способностей в любых сферах. Где не будет этого нелепого расслоения на богатых и бедных, на диктующих и подчиненных и т. д. В этом тоже есть идеализм, но огромная масса людей, по моему убеждению, размышляет примерно так же, как я... Ведь потребности человека в целом не очень велики: вырасти, быть здоровым, иметь семью, детей, реализовать свои творческие способности. Вот и все. И надо совершенствовать те общественные структуры, в которых мы себя реализуем. Ведь это уродство, что кто-то вырывается и желает занять господствующее положение в малой или большой среде, в стране или в мире! Неужели вы думаете, что человечество мечтает, чтобы на Земле, где существует 190 государств, была сверхдержава? Это идиотская мечта некоторых идеологов Соединенных Штатов! Вспышки идеи такого господства в истории вели к бесконечным войнам; человеческой натуре, к сожалению, присуща агрессивность. Но масса-то людей тем не менее стремится к простой уравновешенной жизни. Человек в силу своей организации прежде всего – творец. Способность к творчеству – главное свойство человека как вида!.. По существу все живые организмы – творцы, решительно все, начиная от шмеля или бабочки, пеночки или бобра. Но человек – творец в наивысшей степени, творец в сфере духовных ценностей, что недоступно другим представителям животного мира. Поэтому он и зовется «царем природы». Но законный ли это царь – я не знаю.

– С. Я.: ***Борис Сергеевич, значит, несмотря на печальный исторический опыт, у вас все-таки есть надежда, что в социальной сфере наступят мир и согласие? Что люди сойдутся на каком-то более или менее терпимом образе совместной жизни?***

Полный консенсус – это что-то трудное и далекое, человечеству надо до него дозревать. Но в каких-то локальных формах он, видимо, доступен. Что такое современный мир? Не так давно на Земле родился 6 500 000 001-й человек. Шесть с половиной миллиардов на малюсенькой планете, которая, по расчетам экологов и экономистов, в самом крайнем случае может выдержать нагрузку в 10–12 миллиардов! А человек безудержно размножается. И продолжает дифференцироваться. Несмотря на невероятный взлет науки, техники, искусства, расцвет самых возвышенных идей и понятий, – на Земле остаются 1,5 миллиарда голодных. Примерно столько же – неграмотных, не умеющих читать и писать и даже не испытывающих в этом потребности. Развитие просвещения страшным образом отстает. Как создать в таких условиях консенсус? Не представляю. Прав Сергей Капица, что в последние годы сосредоточил свое внимание на демографии. Это одна из важнейших проблем и в локальном, и в планетарном масштабе. Важна она и для России. Какой будет страна в условиях таких демографических процессов? Ги-

гантские Индия и Китай, составляющие вместе почти половину человечества, считают квадратные метры плодородной почвы, а нам плевать на сотни тысяч квадратных километров... Как все это сбалансировать?

– С. Я.: ***Это заботы в ограниченных исторических рамках. Но вы же сами сказали, что человечество все равно обречено как вид!***

Интересны по этому поводу мысли далеких провидцев, о ком мы уже забыли, вроде Ламарка. Я часто вспоминаю имя этого великого эволюциониста, который в 1802 г. в своей «Гидрогеологии» высказал чрезвычайно близкую мне мысль о реальной и близкой катастрофе – экологической. О ней мы уже говорили на наших миниссеминарах с Инаром Ивановичем, с Эдуардом Николаевичем Мирзояном...

– С. Я.: ***В одном научном журнале приводится ваше высказывание со ссылкой на Ламарка: «Человеку суждено истребить самого себя, после того как он сделает Землю непригодной для обитания».***

С тех пор как эта фраза была сказана, человечество далеко ушло в порче окружающей среды. Международные договоренности создают видимость, что люди не будут засорять атмосферу, замусоривать космос, но все это продолжается! Создать полноценные очистные сооружения при современном развитии промышленности – значит стать на путь разорительной экономики.

– С. Я.: ***Борис Сергеевич, не могу не задать вопрос, который меня давно и сильно волнует. Вы упомянули, что человек – существо агрессивное. Более того, вся жизнь построена на поедании одних видов живых организмов другими. Ведь то, что для человеческого сообщества вы назвали «уродством» – стремление одних господствовать над другими – есть главное свойство любого биологического вида! Всему живому хочется царить. Поскольку миру задан такой вектор, – я сейчас не ставлю вопроса, когда и кем, – не значит ли это, что жизнь изначально, в самом акте творения была обречена? Что наш мир, если говорить в терминах религиозной этики, – это не Божий мир, точнее, он устроен не по-божески? Как сказано Тютчевым: «И нет в творении Творца!..»***

Это не божеский образ, а судьба живого существа на земле. Что собой представляла, скажем, Сахара 10–12 тысяч лет назад? Цветущий оазис. А что такое она сегодня? Мне пришлось в ней побывать. Это сплошная песчаная и каменная пустыня. Кто это сделал? Человек, стада овец и верблюдов. Вытоптали землю, сожрали траву, уничтожили почвенный покров. Наша Галактика имеет единственную планету, где существует уникальное явление – почва с ее плодородием. Плодородие обеспечивается взаимодействием коры выветривания коренных пород, воды, атмосферы и появившейся жизни. За счет этого мы с вами живем. Если почва исчезнет – мы все вымрем! Не будет ни мяса, ни молока, а прежде всего – живительной зелени.

– С. Я.: ***Применимы ли к жизни этические понятия? Можно ли сказать, что она несправедлива и жестока и потому не заслуживает спасения? Люди давно уже смешали природу, вещь, находящуюся по ту сторону нравственности, с религиозной моралью. Хочется, чтобы мир был устроен справедливо, но у него своя дорога, с точки зрения человека – алогичная и даже враждебная самой жизни. Возможен ли какой-то выход (хотя бы чисто умозрительный) из этого тупика?***

Живое не может существовать, не потребляя какую-то энергию. Кормом

для живых существ было и остается живое вещество. Все кого-то едят. Техническая энергетика может быть создана на угольных, газовых, нефтяных, ядерных ресурсах. А энергетика живого – только на живом. А живое вырастает только на почве. А почва может существовать только там, где есть вода, растительность и кора выветривания. Понимаете, это замкнутая цепь! Могут ли в нашем абсолютно неустойчивом мире быть созданы какие-то договоренности, с тем чтобы жить разумнее? Разумнее распределять ресурсы, разумнее воспитывать детей, сделать доступными образование и просвещение? Это, наверное, пахнет идеализмом, но это надо было бы сделать! Однако я не знаю, возможно ли.

– С. Я.: ***Но даже в «идеальном» случае речь идет о весьма ограниченной сфере жизни, а именно – деятельности человеческого сообщества. Это не отменяет звериные законы природы, практику взаимного уничтожения, когда одно существо выживает за счет другого. Получается, чтобы стать другим, человек должен отречься от земной жизни, – о чем, собственно, и толкуют чуть ли не все религии...***

Это один из вечных вопросов, он ставится с первых проблесков сознания по сей день. Противоречие. Человек создал все мыслимо великое: удивительные музыку, литературу, красоту рукотворного мира, наконец, самого себя – человека, который способен все это творить и глубоко духовно воспринимать, переживать и вместе с тем с такой же отчаянной энергией уничтожать!..

– И. М.: ***Борис Сергеевич, как вы думаете, из этого тупика не сможет ли человек выйти с помощью своего разума? Разум – это нечто идеальное, то, что как раз и находится ближе всего к Богу. Вы сейчас упомянули музыку; знаете, я по своему опыту могу сказать: слушая музыку, в наибольшей степени чувствуешь себя приближенным к чему-то потустороннему, высшему. Упоминавшийся уже Владимир Иванович Вернадский, в частности, писал в дневниках, что, переживая музыку, он в наибольшей степени чувствовал вечность и бесконечность жизни, живой материи, которая разлита в космосе. Ему же принадлежит идея (она высказывалась в статье «Автотрофность человечества»), что в будущем, благодаря развитию науки и ее приложений, мы можем прийти к созданию автотрофного человека, который, подобно растениям, сможет непосредственно синтезировать из космоса – солнечной энергии, энергии космических лучей – те вещества, которые ему необходимы для поддержания жизни. И тогда закон пожирания живого живым будет, в общем, преодолен. Между прочим, в последнее время пресса приводит примеры отдельных людей, они способны обходиться без пищи очень долгое время. Будто бы есть какие-то уникальные экземпляры, вопреки природе живущие «правильно». Газетные «утки»? Или сама природа уже ищет выходы? Возможно, какое-то разумное начало в природе – то, что мы называем Богом, – все-таки есть? Пока же ситуация, которую вы обсуждаете, действительно представляется тупиковой...***

Тупик. Разум, действительно, дан. Но как он используется?! А автотрофный человек, по-моему, – скучная иллюзия.

– И. М.: ***Да, тупик. Не может ли выход из него быть найден с помощью интеллекта? Не сейчас, конечно, со временем...***

Не знаю. Каждому хотелось бы в это верить. Но я все-таки скептик. Су-

ществует масса феноменальных людей, которые на что-то способны, но они не представляют модели общечеловеческого развития в будущем. Это эфемерные феномены. Речь ведь идет о том, что нам с вами хотелось бы называть общей гармонией. Без нее ничего не получится. А вот она-то и оборачивается пока иллюзией. Раскрываешь газету – и начинает казаться, что мы опять накануне холодной войны. Наши отношения с Америкой в чем-то страшны для человечества. Политики США довольно прозрачно высказываются, что Америка вела холодную войну в XX веке не с Советским Союзом, а с Россией. И она продолжает вести эту войну. Советский Союз был всего-навсего эпизодом. США по-прежнему желают доминировать в мире.

– И. М.: ***И это очень тревожно.***

Очень! Мы накануне новых событий. И если когда-то мы были к ним подготовлены, обеспечивая равновесие, или «ядерное сдерживание», то теперь все изменилось. Ядерная энергия стала доступной по существу всем. Иран официально вышел из договора. А арабский мир очень своеобразен. Если для остального мира жизнь после смерти мыслится в каких-то формах обитания души, то для арабского – это настоящая, полноценная жизнь под покровительством Аллаха. А та, что сейчас, – временная! То есть смерть абсолютно не страшна. И это глубоко укоренилось в философии арабского мира. Как в этой ситуации достигнуть согласия? Не знаю. Хотя я всегда был и продолжаю быть не мрачным человеком и даже шутником, – в глубине души я пессимист.

– С. Я.: ***Борис Сергеевич, если жизнь сама наводит на пессимизм, откуда у человека чувство гармонии? Откуда, например, искусство, та же музыка? Где первотолчок к ощущению гармонии – в мире природы или каких-то иных, надмирных сферах, врожденное оно или благоприобретенное? Ведь это ощущение живет в нас, сколько мы себя помним...***

Лично для меня этот вопрос решается просто. Я материалист и естествоиспытатель, прожил уже 92 года и не вижу причин, чтобы изменить свой образ мыслей. Думаю, чувство гармонии возникло вместе с разумом. Поэтому я все время размышляю о разуме. Благо он или несчастье.

– С. Я.: ***То есть вы полагаете, что это присуще только людям? Что животным, например млекопитающим, несвойственно испытывать удовлетворение и радость от простого созерцания, положим, природного ландшафта?***

Думаю, что в высокой степени свойственно. И то, что многие естествоиспытатели привыкли называть со времен Павлова «инстинктом», является, на мой взгляд, проявлением разумной мозговой деятельности. Любовь к потомству, влечение к красоте, созерцательность... Ведь многие птицы устраивают свои гнезда не как попало, они делают великолепно обустроенные, сложные, красивые жилища. Причем создают детали и формы, привлекательные для самок, в расчете на их эстетическое чувство. По-моему, элементы разума в широкой мере присущи всем существам, обладающим мозгом.

– С. Я.: ***Можно ли в таком случае говорить о наличии у животного души?***

Мне хорошо знакомо понятие душевности, но я не знаю, что такое душа. Это Наталья Петровна Бехтерева знает. Знает даже, где душа помещается! Пусть это останется ее сферой раз-

мышления. Единственное, что меня останавливает в моих, может быть, излишне скептических размышлениях, – это смутное ощущение: как же я могу целиком исчезнуть? Ведь я на протяжении всей жизни думал! Это не просто закончившаяся работа мозгового вещества... Это что-то еще не завершенное, ведь что-то выходит за пределы нашего творческого мозга, возможно, не материализуясь.

– С. Я.: ***А то, что мысли материализуются в докладах, статьях, книгах, вам не кажется достаточным?***

Кажется недостаточным, так как это слишком очевидный, тривиальный ответ.

– С. Я.: ***Но ведь в этих пускай и несовершенных отпечатках мысли продолжается ее жизнь, они уберегают ее от полного забвения!***

Это безусловно так, но невольно думаешь о явлении более значительном.

– С. Я.: ***И эта мысль возбуждает встречную энергию! Ее будут читать, питаться ею через сто, через тысячу лет!***

Думаю, что так, как рассуждаем мы сейчас (в частности, я), – так, наверное, рассуждали люди и несколько тысяч лет назад. Не вижу, чтобы духовная культура с дохристианских времен сделала какие-то успехи. В прошлом были совершенно удивительные взлеты мысли. И все это возникло с невиданной быстротой. Темп потрясающий! Мы довольно твердо можем сказать, что биосфера существовала задолго до появления человека. Причем жизнь возникла в среде, которая еще недавно казалась нам абсолютно непригодной для жизни, – бескислородной. Первые живые организмы появились примерно четыре миллиарда лет назад. А *Homo sapiens* существует, допустим, три-четыре миллиона лет. Сравните, какая это малая часть! Мгновение. И за это мгновение произошел фантастический скачок в духовной области цивилизации. Темпы развития духовной культуры невероятны. И трагично, что темпы технической цивилизации ее опережают.

– С. Я.: ***При этом они, видимо, ускоряются? Как ускоряется жизнь отдельного человека по мере его взросления...***

Ускоряются, я бы сказал, в своей реализации, но не в конструктивной форме. Общая схема конструктивного развития, может быть, была задана значительно раньше. А вот реализация – да, ускоряется.

– С. Я.: ***Вы имеете в виду некий неизменный духовный базис культуры? То есть египетская цивилизация, например, могла находиться на том же уровне духовного развития, на каком находимся мы сейчас?***

Да. В том-то и дело... Нас поражает Колизей. Нас поражает старая Флоренция. Боже мой, какой сгусток культуры! Литература, живопись, архитектура, скульптура, образ мыслей, интеллектуальные беседы, академии – все там, во Флоренции, уже было!

– С. Я.: ***То же и в Древней Греции! Непревзойденное в последующие эпохи чувство гармонии.***

Ну да! Были взлеты, и они кончались крушениями... Нам остается жить и работать, жить и работать. Потому что это – интересно! Мной всегда двигало только одно: интерес к тому, что меня окружает, к тому, что я делаю. Я счастлив, что на протяжении долгой жизни с ранних лет и до сих пор всегда занимался тем, что мне интересно, и рад, что очень часто это оказывалось кому-то нужным.

– С. Я.: ***Борис Сергеевич, большое спасибо за интервью.***

* * *

Н. К. Рерих и М. К. Чюрлёнис: вечное в духовной жизни

Дорогие друзья,

Мне вдвойне приходится сожалеть, что являюсь лишь заочным участником V Рериховской конференции в Санкт-Петербурге. Во-первых, потому, что темы «Н. К. Рерих и М. К. Чюрлёнис» и «Наследие семьи Рерихов» мне очень близки и, во-вторых, потому, что я – благодарный питомец Ленинградского – Санкт-Петербургского университета – не могу лично выразить свои чувства и мысли в этот день и в столь дорогих мне стенах. Но я счастлив, что могу направить вам хоть несколько приветственных строк.

Порог университета я переступил в самом начале 30-х гг., т. е. почти три четверти века тому назад. Имена Рериха и Чюрлёниса (как произносят теперь) мне еще не были известны. Однако очень скоро я узнал не только их, но и завораживающий «Серебряный век» в поэзии и искусстве. Конечно, это было не главным – ведь я приехал из тверского озерно-лесного края заниматься естественными науками. Но меня ошеломила удивительная культура города двух начальных десятилетий XX века, уходящих своими корнями в век предшествующий. В моих руках оказались два небольших альбома картин Н. К. Рериха и М. К. Чюрлёниса в хороших репродукциях, но с текстами на плохой бумаге смутного времени – подарок моей будущей жены Е. Н. Поленовой. И эти два имени остались со мной навсегда. Я небольшой знаток живописи. В детстве меня привлекали зимние закаты Ю. Клевера, любимыми художниками стали М. Нестеров, К. Коровин, французские импрессионисты, но Рерих и Чюрлёнис заняли особое место как художники-мыслители, останавливающие взгляд, погружающие в размышления о вечном движении человеческого духа.

Несомненно, это личности разные по масштабу своей творческой деятельности, но соизмеримые по таланту, его направленности к духовным вершинам творчества, по своей притягательности. По возрасту они почти однолетки – один родился в 1874 году, другой – в 1875-м. У них близкие прибалтийские корни и близкая среда детства и юности, когда формируются основные интересы и склонности ума. У Рериха – это Латвия, гатчинские окрестности Петербурга, прежде всего отцовское имение Извара; у Чюрлёниса – Литва, Неман, живописный Друскенинкай, родная Варена. Детство в человеческой жизни вообще совершенно особый, самостоятельный этап, а у людей от рождения с художественным воображением, какими были Рерих и Чюрлёнис, оно становится духовным стержнем миропонимания и творчества, определяет главную черту личности. К этой мысли о значении детства и его нравственного и природного окружения в формировании исходных черт складывающегося характера человека я постоянно возвращался в своей жизни и особенно оценил ее справедливость, когда впервые познакомился со Святославом Николаевичем Рерихом в дни 100-летия его великого отца и в последующие годы, при его приездах в Москву. В беседах выяснилось, что наши с ним детские годы, с разрывом в 10 лет, какое-то время протекали в одном и том же месте – старинной усадьбе Березки, где семья Рерихов прожила несколько летних сезонов в начале XX века (период 1904–1909 гг.). Из Березок в 2002 г., вместе с кузиной братьев Рерихов – Юрия и Святослава – Людмилой Степановной

Митусовой мы ездили и в Окуловку в день 100-летия Юрия Николаевича на открытие памятного камня на месте его рождения.

Нельзя не упомянуть и еще об одной черте, объединяющей Н. К. Рериха и М. К. Чюрлёниса. Это романтическое отношение к прошлому, также идущее от ранних впечатлений – древних легенд, народных преданий, реальных памятников и руин далеких веков. Эти впечатления в зрелом возрасте требовали своего художественного, поэтического, музыкального выражения, которое естественным образом приобретало символическую окраску в живописных отражениях, звуках, словах. Кажется, что именно здесь находятся истоки творчества раннего Рериха-художника и ученого-археолога, поэта, обратившего свой мудрый взор в языческую и Древнюю Русь. А многие годы спустя мы вдруг узнали совсем, как казалось, другого, неожиданного Рериха, вышедшего из просторов горной Азии, Востока, Индии, ее духа – художника-философа. Однако в глубине своей – это был давно предугаданный этап движения той же мысли, того же взора, направленного уже ввысь, к высоким обобщениям и вместе с тем сохранившего живые образы Руси в своем сердце. Да и не могло быть иначе. Петербургская семья Рерихов впитала в себя слишком много от той складывающейся духовности, художественной и музыкальной культуры пограничных лет XIX и XX веков.

Истоки творчества Чюрлёниса относятся к тому же времени и к близкой среде, лишь несколько географически смещенной. Но их начало было иным. Может быть, по этим причинам в огромной «рерихиаде», мы так редко встречаем имя М. К. Чюрлёниса и чаще – у исследователей творчества, хотя и понимаем их духовную близость в восприятии вечного. Впрочем, следует сказать еще об одном: очень коротким оказалось время пребывания Чюрлёниса в кругу петербургских художников. Он переехал из Вильнюса в Петербург в 1909 г., когда Рерих уже стал академиком живописи и очень много проводил в поездках по странам Европы и в археологических раскопках. А в 1911 г. короткая жизнь Чюрлёниса оборвалась – около 36 лет. Микалоюс Чюрлёнис (1875–1911) обладал наследственной музыкальной одаренностью, рано замеченной кн. М. Огинским, направившим его в Варшавскую, а затем Лейпцигскую консерваторию. Он окончил их по композиторскому классу, испытав сильное влияние музыки Баха, Вагнера и особенно Рихарда Штрауса. Видимо, отсюда его романтизм, своеобразная ритмика и полифония; это представление, как и замеченное приближение к А. Скрябину, кажутся верными. С оригиналами живописи Чюрлёниса-художника мне удалось познакомиться раньше, чем с музыкой Чюрлёниса-композитора. В 50–70-е гг. в связи с геологическими исследованиями мне приходилось довольно часто бывать в западных республиках. Литовским друзьям я обязан тем, что они трижды сопровождали меня в Каунас ради знакомства с картинами Чюрлёниса. Цикл «Знаки зодиака» я увидел впервые, когда художественные листы находились еще в семейном хранилище (официально художник тогда просто не экспонировался). Только в 1967 г. для его картин был специально построен музей, ставший буквально местом паломничества. Музей замечателен тем, что в нем практически собран весь Чюрлёнис, только несколько картин примерно из 400 оказались в собраниях Варшавы, Петербурга, Парижа и, кажется, Рима. Первые картины были написаны около 1903 г.; композитор занимался живописью лишь восемь лет, начав с Варшавской школы изящных искусств. Только посмертные выставки широко прославили его имя; они прошли в

Вильнюсе, Москве, Петербурге. Художественный критик В. Чудовский писал в 1914 г.: «Творчество Чурляниса (тогда так произносилось) есть зрительное откровение прекрасного гармоничного мира, вечной беспредельной жизни. И светла будет тоска Ваша по этому миру, по этой жизни» («Аполлон». 1914. № 3). А Ромен Роллан в письме к жене Чюрлёниса выразил близкую мысль еще ярче и лаконичнее: «Это новый духовный континент, Христофором Колумбом которого стал Чюрлёнис» (А. Венцлова, 1968). Именно этими словами много лет тому назад я охарактеризовал и творчество Н. К. Рериха в одном из осенних собраний Международного центра Рерихов в Москве.

К этому хочется добавить еще несколько слов о музыке Чюрлёниса. От нее он шел к живописи, и связь была столь органична, что, как художественные циклы картин «Знаки зодиака», «Сотворение мира», «Цветы зимы и лета», «Соната моря», «Покой», так и его музыкальные произведения – симфонические поэмы «В лесу», «Море», кантаты – одинаково определялись поэтическими метафорами. С музыкой Чюрлёниса я познакомился позднее – в Вильнюсе, и она произвела на меня не меньшее впечатление. Этому способствовала и сама обстановка. Проникающая в сознание чудная симфоническая мелодия лилась из-под купола огромной колокольни Кафедрального собора, заложенного еще в XIII–XIV веках и находящегося вблизи горы и древней башни Гедеминаса. Ощущение было непередаваемое. Нечто подобное я пережил в 1995 г. на подобной же юбилейной конференции, посвященной Пакту Рериха и происходившей в здании главной в нашем Отечестве Государственной библиотеки. Конференция открылась вдохновенной речью самого Николая Константиновича Рериха в магнитофонной записи. Живой голос Рериха шел из глубины времени, а актуальность силы призыва к защите и сбережению культурных ценностей Человечества только нарастала. Как видим, она и будет нарастать дальше, а мы обязаны делать то, что должно.

Благодарю вас.

Б. С. Соколов
Москва, Кунцево. 25 сентября 2005 г.